

3. Ломоносов и петербургская немецкая ода

Итак, Ломоносов придет в Петербург вовсе не тем литератором, какой здесь нужен. Придет русский Гюнтер, а здесь нужен русский Бессер. Что у Ломоносова общего с академическими поэтами-немцами, с Юнкером и Штелиным? Только эстетика школы разума. В литературную психологию ее придворно-академического крыла ему падо войти, и пасколько это трудно, видно из явной слабости первой (совершенно официальной) оды, написанной в Петербурге (I, с. 24—31): неумелый синтаксис (после поразительно сильного языка Хотинской оды!), алогизмы («Иоаннов нектар пьет мой ум», хотя произносящей оду предполагается «Россия»), рифмы ниже минимума, псеудобный плап, который не удастся выдержать, петвердая словарная норма («пустить цветочки», «сдивиться», «деет»), — все это поражающим образом ниже даже самых слабых строф Хотинской оды. Недаром ода подымается в строфах 9—10 (подражающих Малербу) и особенно в строфах 16—17 (подражающих своей же Хотинской оде).

Что же дали петербургские немцы? Прежде всего навыки, относящиеся к придворно-официальной стороне оды и опиравшиеся на представление об оде как части *внелитературного* целого. Теоретически оно было для Ломоносова не ново; вся Европа (и тем более отсталая Германия) была насыщена этой, так сказать, эстетикой включения, по практически усвоить ее Ломоносов мог только в Петербурге. Техника поднесения оды, прочтение, учет театрального церемониала, частью которого она предназначена быть,³⁶ приспособление размеров оды, плана, стиля, слов к этой первичной ее функции, — все это знали Юнкер и Штелин (только это они и знали!) и теперь должен узнать Ломоносов. Роль учебника сыграли двуязычные оды (немецкий текст их и перевод его).

Далее, типичная для петербургской немецкой поэзии жанровая и метрическая узость. Два единственные ее жанра, ода и надпись, до конца останутся главными для Ломоносова; с 1743 г. начнется процесс расширения, появятся псалмы, натурфилософская ода, сама торжественная ода дифференцируется, но это уже будет история выхода Ломоносова за пределы той неширокой территории, которая у него с академическими немцами была общей. Что же до метрики, то, за немногими исключениями, выхода не произойдет вовсе. Четырехстопный ямб, созданный Ломоносовым еще в Германии, укрепится, окончательно установится в роли метрического языка оды; но в этом нет ничего специально петербургского: связь оды с четырехстопным ямбом (у французов с восьмисложным стихом) была общеевропейским явлением (французского происхождения). Второй обычный у Ломоносова метр, александрийский стих, как будто теснее связан с петербургско-немецкой поэзией, потому что Штелин и др. постоянно

³⁶ Ср. блестящие замечания Г. А. Гуковского (*Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.; Л., 1936, с. 13—14*).